

УДК 930 (47+57)"198/200":321.64"193"

**ДИСКУССИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУБЕЖА ХХ-ХХІ ВВ.
О ЗНАЧЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ТОТАЛИТАРИЗМА
В ОСМЫСЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ 1930-х гг.**

М. В. Казьмина

Серьезное влияние на ход дискуссии о тридцатых годах оказали работы, написанные в русле концепции тоталитаризма, существовавшей более полувека в западной историографии. Наибольший вклад в ее создание внесли сначала германские исследователи Ф. Нойман, З. Нойман, Х. Арендт, К. Брахер, К. Фридрих и др. С 30-х гг. XX в. центром изучения тоталитаризма становятся США. После разгрома фашизма вновь активизируется работа историков Германии.

С начала 1990-х гг. публикуются работы западных теоретиков по проблеме тоталитаризма на русском языке, что послужило активизации внимания отечественных исследователей к данной проблеме [1].

В западной историографии бытует мнение, что советский коммунизм и немецкий национал-социализм – это наиболее зрелые формы тоталитаризма. Среди существенных признаков последнего называются: единая массовая партия, возглавляемая харизматическим лидером, единственная идеология, монополия на средства массовой информации, репрессивный аппарат, активное вмешательство государства в экономику и другие. По подсчетам Т. А. Хорхординой, число признаков по К. Фридриху и З. Бжезинскому – 6; по Л. Шапиро – 5; по М. Кертису – 13 [2, с. 192].

Эдгар Морен, французский исследователь, в 1995 г. издал в России книгу «О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя». В ней он пришел к выводу, что Советский Союз – это не социалистическое государство, а тоталитарное. Вся полнота власти в нем сосредоточена у Партии/Государства. Преобразования с 1917 по 1953 г. «...вывернули наизнанку целую страну», уничтожили 70 млн. жизней [3, с. 12, 124, 204, 205].

В сущностном отношении тоталитаризм понимается как режим, движение, государство, система (социально-экономическая, политическая) и даже общество. В 1996 г. в России вышла работа М. Реймана (Свободный университет, Германия) «Заметки по проблеме сталинизма в историографии». Историк пришел к выводу, что в западной литературе существует «...несомненная и непреодоленная» зависимость подхода к содержанию сталинизма от идейно-политических факторов и колебаний политической конъюнктуры [4, с. 200].

Р. У. Девис (Бирменгемский университет, Великобритания) отмечал, что в 1987 г. лишь один единственный участник Гарвардской конференции не считал большевистскую революцию бедствием. Почти все американские историки сходились в том, что СССР – это тоталитарное государство, что сталинизм неизбежное следствие победы больше-

виков в 1917 г., а Сталин естественный продолжатель дела Ленина [5, с. 200].

В начале 1990-х гг. был опубликован ряд работ наших соотечественников, проживавших на Западе и высказавшихся в разные периоды о сталинизме как тоталитарном режиме. Большой резонанс вызвали публикации книг Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, И. А. Ильина [6]. И. А. Ильин в работе «Наши задачи» (1956 г.) определил тоталитаризм как «политический строй, беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан» [7, с. 69].

Вышла серия трудов А. Авторханова, утверждавшего, что тоталитарное государство – это государство партократии, а советская политическая система – это тоталитарная партократия [8]. В 1991 г. была опубликована книга М. С. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», где автор развивает мысль о форме тоталитаризма – восточной деспотии нашего времени, присущей реальному социализму [9, с. 599]. «Теории нового класса» или «правлящей бюрократии» посвятил свою работу М. Джилас (вышла в России в 1992 г.) [10].

В первой половине 90-х гг. XX века в среде отечественных исследователей шел процесс выработки своего отношения к концепции тоталитаризма и применимости последней к освещению истории советского периода. Первыми обнаружили свой интерес философы, социологи, политологи.

Л. Гозман, А. Эткинд рассмотрели такой аспект тоталитаризма, как тоталитарное сознание в работе «Культ власти». Исследователи увидели сущностную сторону сталинизма в культе власти. Помимо этого были обозначены черты тоталитарного сознания: вера в простой справедливый и неизменный мир, чудеса. Парадокс состоял в том, считали ученые, что режим, как будто бы игнорирующий чувства и мнения своих подданных, на самом деле более всего опирается не на танки и идеологию, а на любовь и согласие народа [11, с. 338, 344, 347, 349, 352, 361].

В институте философии АН СССР в 1989 г. состоялась научно-теоретическая конференция «Тоталитаризм как исторический феномен». Среди наиболее актуальных проблем участники конференции обозначили:

- необходимость дальнейшей разработки понятия «тоталитаризм»;
- анализ истоков тоталитаризма;
- определение путей формирования тоталитаризма и др.

Искания философов не были чужды историкам. Среди последних в русле концепции тоталитаризма высказали суждения Б. С. Орлов, А. М. Салмин, Л. С. Васильев [12]. Представители исторической науки России приняли участие в международных, российских и региональных конференциях по проблеме тоталитаризма в Мюнхене (1991 г.), Берлине, Москве, Брянске (1992 г.), в Волгограде (1993 и 1995 гг.), в Челябинске (1992, 1996 г.), Екатеринбурге (1993), Перьми (1994), Томске (2000, 2001), Великом Новгороде (2001), в Кемерово (2000, 2001, 2005, 2006 гг.) [13]. В июне 1992 г. в новосибирском Академгородке состоялся международный научный семинар по проблемам сталинизма.

Среди ученых были и остаются те, кто безоговорочно принимают (М. Н. Зуев, Ю. Н. Афанасьев, Т. А. Хорхордина, И. В. Павлова и др.) и те, кто столь же безоговорочно отрицают концепцию тоталитаризма (А. Мерцалов, Л. Мерцалова) [14].

Ряд исследователей используют термин «тоталитаризм» в контексте «тоталитарный режим», при этом не отождествляя все многообразие происшедшего в истории СССР и России только с этим явлением, а обращая внимание на противоречивые исторические тенденции, пронизывавшие тогдашнее общество [15, с. 400].

Данный плюрализм объяснялся высокой степенью политизированности взглядов обществоведов в первые годы перестройки, некоторой скоропалительностью в принятии зарубежных наработок без их критического анализа, а также низким уровнем политологической культуры.

В 1989 г. в СССР вышел словарь «50/50» под общей редакцией Ю. Афанасьева. В подзаголовке указывалось: «Опыт словаря нового мышления». В предисловии Ю. А. Афанасьев отмечал, что в советскую гуманистику пришла идея, согласно которой (и вопреки практикующимся у нас доктринам), могут быть не только разные трактовки, разные суждения о каком-то определенном предмете, но и что разные типы мышления могут совершенно по-разному воспринимать один и тот же предмет [16, с. 9].

В словаре была помещена статья С. Серебряного о тоталитаризме. В ней отмечался двойственный подход к употреблению этого понятия: эмоционально-оценочный, пропагандистский и собственно научный [16, с. 369]. Ссылаясь на мнение политологов, С. Серебряный не исключал, что со временем термин «тоталитаризм» может выйти из научного употребления по причине пропагандистского «привкуса» и принадлежности политических систем, объясняемых этим понятием, к разным корневым основам. Однако, как показала практика, интерес отечественных исследователей в области истории, социологии и политологии к проблеме тоталитаризма, наоборот, усилился.

На рубеже 1980-1990-х гг. встречается употребление термина «тоталитаризм» для характери-

стики режима или политической системы 30-х гг. Однако ему не присваивалось ключевое значение. К примеру, А. Здравомыслов признавал полезность концепции тоталитаризма для анализа собственно политических процессов, но предлагал не ограничиваться только этим подходом [17].

А. Н. Сахаров и А. С. Сенявский высказали точку зрения о «красном» или «революционном» тоталитаризме [18]. По мысли первого, при анализе советского тоталитаризма нельзя делить общество на отдельные части: Сталин и административно-командная система одно, а народ – другое. По его мнению, это противопоставление носит искусственный характер. Не только Сталин и партия манипулировали народом, но и общество руководило партией того периода. «Происходила, если можно так сказать, взаимная манипуляция» – утверждал историк [19, с. 61, 65].

А. Н. Сахаров связал систему, которая начала складываться с первых дней революции, но особенно ярко себя проявила с середины 20-х гг., не с административно-командной системой, а с революционным тоталитаризмом, диктатурой революционного волеизъявления народа. На этой почве вырос сталинизм. В свою очередь, из беспощадной революции низов и гражданской войны вышел террор, а затем и понятие «враг народа», модель ГУЛАГа [19, с. 67, 68].

В русле концепции революционно-тоталитарного эксперимента А. Н. Сахаров продолжал оценивать формирование авторитарной системы власти в СССР в 1930-е гг. и в работе «Россия: Народ. Правители. Цивилизация» [20, с. 295]. Он пришел к выводу, что в СССР существовал тоталитарный строй с личной диктатурой Сталина. Вождь нес ответственность за варварскую коллективизацию и надрывную индустриализацию, беспримерные в мировой практике репрессии [20, с. 9].

А. С. Сенявский пришел к выводу: «Реальной исторической альтернативой «советскому тоталитаризму» была крестьянская Россия, обреченная на гибель в столкновении с индустриальной Европой» [21, с. 63]. Солидарен с этой точкой зрения С. Кара-Мурза [22, с. 467, 530]. Е. Г. Плимак и В. С. Антонов высказали убеждение, что в 1930-е гг. советское общество «...окончательно скатилось к тоталитаризму с единоличным вождем» [23, с. 31-32]. В пользу существования тоталитарного государства склонялся Н. А. Ивницкий [24, с. 259].

Ю. И. Игрицкий выделял в качестве основных такие признаки тоталитаризма, как строго иерархическая система управления во главе с вождем, единая идеология в сочетании с репрессивным аппаратом, наличие харизматического лидера, демонстрирующего своими поступками правильность избранной цели и способа продвижения к ней [25, с. 11].

А. В. Бакунин считал, что нельзя все сводить к идеологии, политике и репрессиям, а нужно обращать внимание на такие значимые составляющие

тоталитаризма, как монополизация собственности, милитаризация экономики и социальной жизни [26].

Убеждение в том, что тоталитаризм – феномен массового сознания, поддержал В. И. Михайленко. По логике рассуждений последнего, сила тоталитарного режима заключается в опоре на массы, в использовании тоталитарных архитипов массового сознания в достижении консенсуса между режимом и массами [27, с. 41].

На этом же акцентировал внимание Ю. А. Афанасьев: «...сталинский режим – это тот же самый народ, который сам себя уничтожал и который стал как бы соучастником преступлений этого режима. Провести грань и сказать, вот – жертвы, а вот палачи, нельзя. Каждый из нас и палач, и жертва» [28, с. 656].

Свою точку зрения на предмет истоков тоталитаризма высказал В. В. Журавлев. Он их усматривал не столько в психологии военного коммунизма, сколько в упрочении начал нэпа. Сильная личность в этот период, считал ученый, становилась гарантом преодоления противоречий в глазах как консервативных и реакционных сил, так и части радикально настроенных слоев общества, не говоря уже о промежуточных слоях, привыкших в грубой уравнительности видеть синоним социальной справедливости [29, с. 113].

На сегодня можно говорить о большом количестве статей и первых монографических исследованиях, а также кандидатских и докторских диссертациях по проблеме тоталитаризма [30].

Фундаментальностью отличается труд коллектива авторов под руководством Я. С. Драбкина и Н. П. Комоловой «Тоталитаризм в Европе XX века», опубликованный в 1996 г. В работе дан всеохватывающий и многоплановый анализ различных форм тоталитаризма XX века, истории становления, развития и крушения этих режимов. На региональном уровне также значительное число исследователей поддержали концепцию тоталитаризма [31].

В современной западной историографии центральное место в концепции тоталитаризма занимает сравнительная характеристика фашизма и сталинизма. В 1991 г. У. Лакер (США) выпустил книгу «Россия и Германия. Наставники Гитлера». В издательстве Кембриджского университета вышел сборник «Сталинизм и нацизм: сравнение диктатур» под редакцией Я. Кершоу и М. Левина [32, с. 27]. В 2002 г. Ф. Кокен (Франция) опубликовал статью «Размышления об отождествлении сталинизма с гитлеризмом» [33, с. 114-120].

В работах зарубежных авторов выявились двоякого рода тенденции. Одни стремились к отождествлению сталинизма и фашизма, другие, отмечая сходства режимов, одновременно показывали и их принципиальное отличие. В частности, Ф. Кокен отметил: сближение сталинизма с гитлеризмом представляется пропагандистской форму-

лой, навязанной временем «холодной войны» [33, с. 120]. Ученый убежден, что сталинизм является наследником старорежимной России, сельской, иерархической и авторитарной, в которой идеологическая власть и власть политическая шли рука об руку, и его итоги не могут оцениваться как исключительно отрицательные [33].

Многие отечественные исследователи поддержали сравнительный подход в характеристике сталинизма и фашизма [34]. Но одни видели при многих сходных чертах (общая мессианская моноидеология, единственная партия и харизматический вождь, массовые репрессии, монополия на информацию, преследование инакомыслящих, централизованная, управляемая государством экономика) совпадение содержания (типа) при разных формах [35, с. 13]. Другие же настаивали на различии типов, а не только форм.

Ю. Г. Сумбатян характеризует тоталитаризм как определенную социальную систему, общественный организм с присущим ему насильственным политическим, экономическим и идеологическим господством бюрократического партийно-государственного аппарата во главе с вождем над обществом и личностью, подчинением всей общественной системы господствующей идеологии и культуре [35]. Исследователь убежден, что тоталитаризм является целостной социальной системой и искать в его рамках отдельные системы неправильно. Различаются не две системы, а две основные формы тоталитаризма – праворадикальная (фашистская) и леворадикальная (коммунистическая).

По мнению Ю. Г. Сумбатяна, в сталинский период происходит утверждение государственного социализма, который, по сути, предполагает социальную отчужденность человека, его отстранение от средств производства, власти и установление монополии бюрократического партийно-государственного аппарата, спаянного с охранно-репрессивной системой [35, с. 16].

В свою очередь, А. П. Бутенко утверждал: «...каждому типу тоталитаризма присуща своя особая органическая взаимосвязь и связь основных черт» [36, с. 30]. Именно этим определяется своя особая логика развития, возникновения и гибели тоталитаризма данного типа, но и прямая несовместимость разнотипных тоталитаризмов, возможность их столкновения и борьбы не на жизнь, а на смерть. Каждый режим решает сходными политическими методами и средствами свои собственные политические задачи, стремится к своим политическим целям, определяемым характером общественного строя [36, с. 31].

А. Мерцалов и Л. Мерцалова в работе «Сталинизм и война» констатировали наличие ряда общих черт сталинизма и фашизма (гитлеризма), но при этом не согласились с тезисом о совпадении систем, во главе которых стояли Сталин и Гитлер. Отличия настолько существенны, считают ученые,

что о тоталитаризме может идти речь лишь как о ложном идеологическом построении [37, с. 44-47].

Мерцаловы убеждены, что нет необходимости применять термин «тоталитарный» в смысле «авторитарный» и выделять из этого ряда режимы, связанные с именами Сталина, Гитлера, Муссолини и им подобных вождей [38].

Уязвимость концепции тоталитаризма историки видят в алогизмах. Если сталинизм и фашизм произрастают из одного корня, почему между ними происходит самый острый конфликт XX в.? Почему выбор старых элит в 1933 г. выпал на фашистов, если между нацистами и коммунистами не было никакой разницы?

Соглашаясь с оценкой Мерцаловых тоталитаризма как доктрины, не способной полностью объяснить ситуацию в СССР в 1930-е годы, следует отметить уязвимые места их критических замечаний. Действительно, самый острый конфликт XX века разразился между Германией и Советским Союзом. Но вопрос могли ли к этому прийти сталинизм и фашизм, «произрастающие из одного корня» больше звучит риторически, он не означает однозначно отрицательного ответа. Достаточно вспомнить историю Первой мировой войны, где конфликтующие стороны «произрастали» из таких общих корней, как принадлежность к одной системе, одному континенту. Это были страны, входившие в число лидеров экономического развития. Значительная часть их жителей исповедовали одну религию. Однако все это вместе взятое не стало фактором исключения Первой мировой войны, самого сурового испытания первой трети XX века. В более полном объеме объясняет причины столкновения фашизма и сталинизма методология цивилизационного подхода.

Что касается замечания Мерцаловых об отсутствии необходимости применять термин «тоталитарный» в смысле «авторитарный» и сходстве трактовки этих понятий во многих работах. Отчасти это так, но в то же время, в ряде случаев, авторы этих доктрин говорят об отличиях тоталитаризма от авторитаризма на предмет невмешательства последнего в экономику и необязательности применения силы в отношении народа. Также отмечается, что авторитаризм может служить мостиком как к тоталитаризму, так и к демократии.

Появившейся тенденции к отождествлению сталинизма и фашизма противопоставляет свою позицию С. Кара-Мурза. Он дает сравнительную характеристику этим явлениям в первой части своей книги «Советская цивилизация». Исследователь доказывает, что сталинизм и фашизм – это совершенно разные явления, лежащие на двух разных цивилизационных путях развития. Сущность фашизма он видит не в вывертах и зверствах нацизма, а в самой уверенности, что человечество не едино, а подразделяется на сорта, на высшие и низшие расы [39, с. 542, 556].

Фашизм – это болезнь всей западной цивилизации, которая не излечена и грозит проявиться в новых формах. По мнению С. Кара-Мурзы, историю 30-х гг. нельзя понять, не учтя, что Вторая мировая война изначально готовилась в Германии как война на уничтожение славян. Отсюда он делает вывод, что сталинизм – это особое специфическое состояние военного быта. Советский тоталитаризм был слишком жесток и ужасен, так как лишних денег для смягчения шока не было, но с точки зрения судьбы России (СССР), он был лучшим (в конце 20-х гг.) выбором. Именно поэтому он принимается народом [39, с. 529, 531, 533, 559].

Многие сторонники концепции модернизации и социальной истории справедливо обращают внимание на ряд существенных отличий сталинизма и фашизма:

- разные идеологии;
- средства, применяемые Гитлером и Сталиным, могли казаться похожими, но сами их цели были диаметрально противоположными;
- режимы пришли в разных условиях к власти;
- нацистское насилие было направлено против других народов, в то время как сталинские репрессии осуществлялись главным образом против собственного.

А. К. Соколов полагает: «Сами представления о власти в советский период совершенно не совпадают с упрощенными схемами «тоталитарного общества» [40, с. 3, 4]. Рамки тоталитаризма слишком узки для социальной истории, считает исследователь. Эта теория не позволяет объяснить истоки и причины социальной поддержки, оказываемой власти в различных общественных слоях, созидательную энергию, охватившую общество, возрастание его сложности и многомерности независимо от действий власти [41, с. 111].

Заслуживает поддержки и отрицание А. К. Соколовым тезиса, вытекающего из концепции тоталитаризма, что в 1930-е годы власть полностью подавила общество, сделав людей послушными винтиками своих властных притязаний. Присущие любой власти тоталитарные тенденции не могут полностью реализоваться никогда и ни при каких условиях. «Поэтому – утверждает историк – теория тоталитаризма, систематически примененная, показывает ее неприемлемость в приложении к советской истории» [41].

Исследователи обратились к выяснению места тоталитаризма в сопоставлении с другими политическими режимами. По мнению А. П. Бутенко, авторитаризм характеризуется тремя существенными чертами: концентрацией власти в руках одного лица или одной ветви власти (чаще исполнительной), существенным сужением роли представительной власти и ее институтов, сведением к минимуму роли оппозиции и автономии различных политических систем, резким свертыванием

демократических, политических процедур [42, с. 31].

На широкую социальную опору тоталитаризма обращают внимание А. С. Сахаров, С. Кара-Мурза, В. С. Толстиков, Б. Р. Лопухов, Р. Скидельски, В. И. Михайленко [43].

В литературе существует противопоставление тоталитаризма и демократии как антиподов. Данная позиция характерна для Ю. Г. Сумбатяна, И. В. Павловой [44]. В свою очередь, В. И. Михайленко и В. П. Булдаков в этом видят политические пристрастия авторов [45]. В частности, В. И. Михайленко пишет: «Концепция «тоталитаризм – антипод любой демократии» объясняется тем, что исследователи при изучении тоталитарных феноменов прибегают к одностороннему изучению источников – к трудам антитоталитаристских авторов, оставляя «за скобками» труды оппонентов либеральной демократии – традиционалистские или тоталитаристские источники и историографию» [45, с. 43].

Нельзя не согласиться с выводом ученого, что дифференциация историографии по политическим направлениям утратила свое значение. В. И. Михайленко пришел к выводу, что китайской стены между тоталитарной и нетоталитарной формами организации обществ практически не существует. По его версии, научно более корректно установить антитезы: либеральный – тоталитарный; либеральная демократия – тоталитарная демократия, либеральный режим – тоталитарный режим. Во всех случаях речь идет о сопоставлении идеальных моделей [45]. О Советском Союзе как нормальном тоталитарном обществе писал В. Э. Шляпинтох [46, с. 115 – 124].

В свою очередь, хотелось бы дополнить этот вывод уточнением, что в реальной исторической практике такого рода идеальные конструкции просто не существуют. Посему как идеальная либеральная модель зачастую разбивается о рифы национальных интересов, так и идеальная тоталитарная модель не может объяснить феномен творческой активности масс, общий рост образования и культуры на протяжении 1930-х гг.

В коллективной работе «Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления» можно увидеть схожую мысль: «Даже в самых демократических структурах рассеяны «тоталитарные» семена. Не случайно Олдас Хаксли выводил свой «дивный новый мир» из современной ему капиталистической либеральной демократии» [47, с. 502].

В центре дискуссии стоял вопрос и о критериях наличия или отсутствия тоталитаризма, напрямую связанный с хронологией этого явления. Систематизировав ответы на этот вопрос, можно выделить три основных подхода. В первом случае исследователи в качестве критерия рассматривают наличие 5 – 6 основных признаков (иногда их дополняют уточняющими обстоятельствами). Во

втором – речь идет об общем состоянии прав и свобод граждан в обществе.

Более убедительно в этом отношении мнение А. П. Бутенко, который утверждает: «...Объективный критерий наличия или разрушения тоталитаризма комплексный, он включает в себя, во-первых, анализ условий, констатирует наличие органической целостности, взаимосвязанной системы основных черт или элементов тоталитаризма; во-вторых, как результат этого – характер положения индивида в обществе, степень подчиненности его граждан сильным мира сего» [48, с. 35]. Именно третья точка зрения позволяет избежать распространенной ошибки расширительной трактовки хронологии тоталитаризма. С учетом вышеобозначенных критериев можно вести разговор о периоде рубежа 1920-1930-х гг. и до середины (первой половины) пятидесятых.

В. П. Островский и А. И. Уткин становление тоталитарного режима связывают с 1934 г., А. А. Данилов и Л. Г. Косулина с концом 1920-х гг. [49]. А. В. Бакунин считает, что «в России с первых месяцев Октябрьского переворота закладывалось не свободное демократическое государство, а типичный тоталитарный режим со всеми присущими ему признаками» [50, с. 35]. В этом же ключе высказались В. П. Наместников-Счастливым, И. В. Павлова, Ю. И. Стецовский [51]. С. И. Лунев выделил три этапа тоталитаризма в 70-летней истории СССР [52].

Заметив, что в литературе несколько туманно очерчены границы тоталитаризма, С. Кара-Мурза убежден: «... тоталитаризм – это то состояние советского строя, при котором СССР провел коллективизацию и индустриализацию, подготовку к войне, и саму Отечественную войну, и послевоенное восстановление» [53, с. 528]. Он очерчивает время советского тоталитаризма 1930 – 1940-и годами. Ю. И. Игрицкий также считает, что советское государство не на всех стадиях было тоталитарным [54, с. 9].

Ученые по-разному трактуют время перехода от тоталитарной советской системы к авторитарной. Одни полагают, что это произошло в 1960-е гг. (время «оттепели»), другие называют 1970-е гг. А. А. Искендеров говорит о более чем 70-летнем существовании тоталитарного режима [55, с. 6]. В. П. Быков и С. А. Сидоров настаивают: после смерти И. В. Сталина «началась другая эра, другой тоталитаризм» [56, с. 92]. По Ю. Н. Давыдову, «тоталитарные структуры» постсталинского периода «порядком подгнили» [57, с. 463].

С вышесказанным можно согласиться отчасти. Это не означает, что до конца 1920-х или после 1953-1956 гг. не было каких-либо признаков тоталитаризма, но целостность их одновременного существования была нарушена. Например, после 1953-1956 гг. происходит некоторая демократизация общественной жизни, системы управления народным хозяйством, но сохраняются прежние

формы собственности. Данные обстоятельства свидетельствуют о состоянии переходности в жизни общества. Это вполне закономерно, так как целостность всех признаков была утрачена и, наоборот, некоторые признаки авторитаризма и демократии вполне себя проявили.

Широкие научные контакты с российскими исследователями установили ученые Рур-университета в г. Бохуме. При их поддержке проведены были крупные исследования и конференции. В 2001 г. в Москве состоялась Международная конференция «Преодоление прошлого и новые ориентиры переосмысления: опыт России и Германии на рубеже веков» [58].

Большой вклад в разработку концепции тоталитаризма внесли авторы серии, выходящей под эгидой Западносибирского центра германских исследований (ЗСЦГИ). Эта организация была создана в 1999 г. и объединяла преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов вузов Барнаула, Кемерово, Новосибирска и Томска. Ответственными редакторами серии являлись председатель центра, профессор Ю. В. Галактионов и профессор Рур-университета г. Бохума Бернд Бонвеч.

К 2003 г. вышло три выпуска материалов: «Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии» (Кемерово, 2001); Библиографический указатель (Кемерово, 2001); «Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления» (Кемерово, 2003). Первый и третий выпуски были опубликованы по итогам международных конференций в 2000 и 2001 гг. В первой приняли участие более 60 ведущих российских и немецких историков, во второй – более 70.

Доклады были посвящены методологии исследования феномена тоталитаризма, сравнительной характеристике тоталитарных режимов, тоталитарному менталитету и путям его преодоления. Среди участников конференций были ученые из Москвы, Перми, Новосибирска, Томска, Барнаула, Кемерово, Бохума. На конференции 2001 г. прозвучали доклады историков, философов, политологов, культурологов, филологов и юристов. По мнению В. И. Михайленко, З. Г. Соловьева, Л. М. Борботько, В. В. Войтова, Э. М. Мирского и других участников форума, на современном этапе концепция тоталитаризма не исчерпана в научном смысле, наоборот, произошло усложнение видения исторического феномена.

Научные конференции, посвященные проблемам тоталитаризма, состоялись в Великом Новгороде, Перми, Томске и других городах [59].

Дискуссия о концептуальных истоках оценки 1930-х гг. отечественной истории отразилась и на содержании учебной литературы. В 1999 г. Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию рекомендовал в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специ-

альности «История» коллективную работу «История России XX век» под редакцией член-корреспондента РАН А. Н. Сахарова, доктора исторических наук В. П. Дмитренко, академика РАН А. П. Новосельцева. Автором пятой главы третьей книги, посвященной 1930-м годам, являлся М. М. Горинов. Пытаясь определить общую доминанту, направление развития советского общества, он пришел к выводу, что в этот период происходила болезненная, мучительная трансформация «старого большевизма» в нечто иное [60, с. 393]. И далее: «...по всем линиям происходит естественный, здоровый процесс реставрации, восстановления, возрождения тканей русского (российского) имперского социума. Технологическая модернизация все больше осуществляется на основе не разрушения, а сохранения и развития базовых структур традиционного общества-артели (советский аналог – колхоз, бригада), патерналистской государственности» [60, с. 384].

Таким образом, М. М. Горинов избежал использования терминов «сталинизм» или «тоталитаризм», кратко обозначив принципиальный вывод о преемственности в развитии государственности XX века относительно предыдущего этапа. Более того, имперская линия развития названа «естественной и здоровой».

Тему, начатую М. М. Гориновым, продолжил А. С. Сенявский. Отметив высокий темп урбанизации в 1930-е гг., он считал, что общественная нестабильность, связанная с этим процессом, должна была быть компенсирована жесткой государственной системой. Ценности существования, выживания социального (в данном случае государственного) организма, как правило, считает автор, оказываются более значимыми, нежели интересы и ценности тех или иных социальных групп. Здесь лежит ключ к возникновению общественно-политических моделей, которые очень условно можно назвать как «правый и левый тоталитаризм», или к отчетливой тенденции тоталитаризации (хотя бы и временной, ситуационной) большинства стран, осуществлявших урбанизационный переход [60, с. 397].

А. С. Сенявский не отрицает, что сторонники концепции тоталитаризма «схватили» некоторые существенные моменты советского режима, но в то же время он видит в этой позиции и односторонний негативизм, проявляющийся в обозначении «антиценности» индивидуалистического западного сознания. В результате появляется пристрастная оценка «всех режимов, подводимых под эту категорию, а тоталитаризм стал синонимом «мирового зла», выйдя далеко за рамки науки. Ученый считает, что «красный тоталитаризм» не был только насилием над обществом. Он не изменил основного направления развития ни российского общества в целом в рамках техногенной цивилизации, ни урбанизационного процесса: он придал им особую форму и задал форсированный темп. В результате был сделан экономический рывок, но

не решены вопросы человеческого существования [60, с. 400, 402, 403].

В русле интересующей проблемы следует выделить условность принятия термина «тоталитаризм». Причем академическое издание делает акцент на объяснительной стороне вопроса в рамках концепции модернизации стран второго эшелона. Это направление получило в литературе условное название «модернизаторско-ревизионистское». Его сторонники (В. П. Дмитренко, М. М. Горинов, А. С. Синявский и др.) исходят из представления, что Октябрь – пролетарская революция, Сталин – «аберрация» (отклонение от нормы) ленинской нормы, советский режим при всей его социалистической риторике и мрачном сталинистском прошлом фасаде – основа для «развития»: индустриализации, урбанизации и массового образования. Часть «ревизионистов» пришла к заключению о демократических корнях сталинского пятилетнего плана, а сложившийся советский строй представлял собой взаимодействие «групп интересов» [60, с. 280].

Второе, достаточно широко представленное в учебной литературе направление можно называть «тоталитарным» [61]. Его представители выстраивают свои рассуждения в следующем ключе: Октябрьская революция 1917 г. – заговор и переворот, осуществленный монолитной большевистской партией; сталинизм – органичный результат ленинизма, советская система тоталитарная, державшаяся на терроре и лжи, с точки зрения морали идентична фашизму.

Полностью принимает термин «тоталитаризм» М. Н. Зуев. В его учебнике для вузов 1998 г. обозначен раздел «Советская государственность в период сталинизма». 1945-1955 годы названы «апогеем сталинизма» [62, с. 115, 119]. Автор предлагает использовать определение «авторитарно-тоталитарная система власти» и «тоталитарная модель общества», которые, по его мнению, установились на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Вышеназванные термины практически не расшифровываются. Вызывает вопросы определение «авторитарно-тоталитарная» система. У родоначальников и знатоков теории тоталитаризма такие сочетания отсутствуют. З. Бжезинский, Х. Арндт, Ф. Нойман разделяют понятия «авторитарные», «тоталитарные» и «демократические» режимы. Данный термин скорее запутывает, а не объясняет явление.

Практически отсутствует разграничение понятий «авторитарный» и «тоталитарный» режим в учебнике «Наше отечество. Опыт политической истории» [63, с. 325].

Иной взгляд на предмет рассматриваемой темы характерен для авторов учебника истфака МГУ «История России с древнейших времен до наших дней». А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина, заметив, что многие отечественные и зарубежные историки считают возможным говорить о том, что в 1930-е гг. в СССР сформировалось тоталитарное общество, сами исполь-

зуют понятия «культ личности Сталина», «режим личной власти Сталина», «командно-административная система». Период 1930-х гг. подается как сложный и противоречивый, с присущей ему системой государственного социализма (жесткого планирования, распределения и контроля во всех сферах хозяйственной деятельности) [64, с. 403].

Таким образом, краткий обзор учебной литературы свидетельствует как о плюрализме в оценке 1930-х гг., так и о неустоявшихся определениях этого периода. Причем некоторые дефиниции («авторитарно-тоталитарная система», «тоталитарное общество») заведомо неприемлемы для большинства исследователей, несут в себе повторы и противоречия, способны скорее запутать, чем прояснить вопрос. Взвешенной, аргументированной, а самое главное, объясняющей, выглядит концепция модернизации учебника «История России. XX век» издательства РАН.

Таким образом, применительно к концепции тоталитаризма можно констатировать переосмысление содержания, освобождение от политической конъюнктуры, усложнение видения исторического феномена. Многие историки отказались от пропагандистского варианта модели тоталитаризма, придав самому термину конкретный исторический смысл.

Литература

1. Джилас, М. Лицо тоталитаризма / М. Джилас. – М., 1992; Арон, А. Демократия и тоталитаризм / А. Арон. – М., 1993; Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. – М., 1993; Морен, Э. О природе СССР: тоталитарный комплекс и новая империя / Э. Морен. – М., 1995.
2. Хорхордина, Т. А. Отечественная историографическая традиция: содержание, проблемы, противоречия / Т. А. Хорхордина // Советская историография. – М., 1996. – С. 192.
3. Морен, Э. О природе СССР: тоталитарный комплекс и новая империя / Э. Морен. – М., 1996. – С. 123, 124, 204, 205.
4. Рейман, М. Заметки по проблеме сталинизма в историографии / М. Рейман // Россия XIX-XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996. – С. 227.
5. Девис, Р. У. Великобритания и Соединенные Штаты: анализ развития советской экономики в межвоенный период / Р. У. Девис. – М. – С. 200.
6. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М., 1990; Федотов, Г. П. Россия и свобода / Г. П. Федотов // Знамя. – 1989. – № 12; Гусев, В. А. Проблемы государственного устройства в трудах И. А. Ильина / В. А. Гусев // Социально-политические науки. – 1992. – № 2, 3.
7. Цит. по: Панарин, А. С., Василенко, И. А. Политология. Общий курс. – М., 2003. – С. 69.
8. Авторханов, А. Технология власти. – М., 1991; Он же. Ленин в судьбах России // Новый мир. – 1991. – № 1; Он же. Происхождение партократии // Октябрь. – 1990. – № 2, 3.

9. Джилас, М. Теория нового класса / М. Джилас. – М., 1992. – С. 599.
10. Джилас, М. Лицо тоталитаризма / Ж. Джилас. – М., 1992.
11. Гозман, Л. Культ власти / Л. Гозман, А. Эткинд // Осмыслить культ Сталина. – М., 1989. – С. 338, 344, 347, 349, 352, 361.
12. Орлов, Б. С. Германия и СССР в 30-е гг.: сходство и различия / Б. С. Орлов // Вестник АН СССР. – 1989. – № 9; Салмин, А. М. Тоталитаризм как исторический феномен / А. М. Салмин, А. С. Васильев. – М., 1989.
13. От тоталитаризма к свободе: взгляд историка. – Челябинск, 1992; Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX в. – Екатеринбург, 1993; Тоталитаризм и личность. – Пермь, 1994; Тоталитаризм и тоталитарное сознание. – Томск, 2001. – Вып. 4. Материалы томских городских научно-практических конференций. Апрель 2000, 2001; Уроки советского тоталитаризма и проблемы новгородского гражданского общества: материалы науч.-практ. конф., 18 апр. 2001 г. – Великий Новгород, 2001.
14. Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии / Ю. Н. Афанасьев // Советская историография. – М., 1996. – С. 37; Мерцалов, А. В. В поисках исторической истины / А. Мерцалов, Л. Мерцалова. – М., 1984. – С. 163 – 173; Они же. Сталинизм и война. – М., 1998. – С. 42.
15. Кара-Мурза, С. Советская цивилизация. Кн. 1, 2 / С. Кара-Мурза. – М., 2002; Сенявский, А. С. История России XX век / А. С. Сенявский. – М., 1999. – С. 400.
16. 50/50. – М., 1989. Указ. раб. – С. 9, 369.
17. Сталинская модель социализма: становление, развитие, крах (20-80-е годы) // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 12. – С. 40; Журавлев, В. В. Сталинская модель: взгляд сквозь годы / В. В. Журавлев // Кентавр. – 1992. – № 11 – 12. – С. 113.
18. История России. XX век. – М., 1999. – С. 400; Сахаров, А. Н. Новая политизация истории или научный плюрализм? О некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX в. / А. Н. Сахаров // Новая и новейшая история. – 1993. – № 6. – С. 91; Сахаров, А. Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории / А. Н. Сахаров // Коммунист. – 1991. – № 5.
19. Сахаров, А. Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории / А. Н. Сахаров // Коммунист. – 1991. – № 5. – С. 61, 65, 67, 68.
20. Сахаров, А. Н. Россия: народ. Правители. Цивилизация / А. Н. Сахаров. – М., 2004. – С. 9, 295.
21. Сенявский, А. С. Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности / А. С. Сенявский // Россия в XX веке ... – С. 63.
22. Кара-Мурза, С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы / С. Кара-Мурза. – М., 2002. – С. 467, 530.
23. Плимак, Е. Г. 1 декабря 1934-го: трагедия Кирова и трагедия Советской России / Е. Г. Плимак, В. С. Антонов // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 31 – 32.
24. Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание ... / Н. А. Ивницкий. – С. 259.
25. Игрицкий, Ю. И. Снова о тоталитаризме / Ю. И. Игрицкий // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 11.
26. Бакунин, А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. Генезис / А. В. Бакунин. – Екатеринбург, 1996. – С. 36; Бакунин, А. В. Советский тоталитаризм: генезис, эволюция, крушение / А. В. Бакунин. – Екатеринбург, 1993; Бакунин, А. В. Интеллигенция в системе советского тоталитаризма / А. В. Бакунин // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 1995. – № 2. – С. 105 – 110.
27. Михайленко, В. И. Тоталитарный соблазн России: от олигархического к бюрократическому капитализму / В. И. Михайленко // Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления. Материалы Международной научной конференции. – Кемерово, 2003. – С. 41.
28. Афанасьев, Ю. А. Непреодоленное прошлое / Ю. А. Афанасьев // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – Т. 2. – С. 656.
29. Журавлев, В. В. Сталинская модель: взгляд сквозь годы / В. В. Журавлев // Кентавр. – 1992. – № 11 – 12. – С. 113.
30. Бакунин, А. В. Советский тоталитаризм: генезис, эволюция, крушение / А. В. Бакунин. – Екатеринбург, 1992; Бакунин, А. В. История советского тоталитаризма. – Кн. 1. Генезис / А. В. Бакунин. – Екатеринбург, 1996; Кн. 2: Апогей, 1997; Тоталитаризм как исторический феномен. – М., 1989; Тоталитаризм, авторитаризм и демократия в глобальном контексте // Латинская Америка. – 1990. – № 2; Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. – М., 1996; Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления. – Кемерово, 2003; Борозняк, А. И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? / А. И. Борзяк. – М., 1989; Михайленко, В. И. Тоталитаризм в XX веке: теоретический дискурс / В. И. Михайленко, Т. П. Нестерова. – Екатеринбург, 2001; Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов: сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. – М., 1993. – Ч. 1; Соловьев, Э. Г. Концепция тоталитаризма в западной политологии: перманентный кризис, или вечный поиск истины / Э. Г. Соловьев // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. – 1998. – № 1; Кочесоков, Р. К. Тоталитаризм: философско-политическое исследование: дис. ... д-ра политол. наук. – Ростов-на-Дону, 1992; Бучин, А. П. Идеология и тоталитаризм: автореф. ... канд. политол. наук. – М., 1993; Кузнецов, И. С. Генезис тоталитаризма в России: социально-политический аспект / И. С. Кузнецов. – Новосибирск, 1993; Кузнецов, И. С. «Проклятьем заклеянный?» Социально-политические

предпосылки российского тоталитаризма / И. С. Кузнецов. – Новосибирск, 1994; Кузнецов, И. С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории / И. С. Кузнецов. – Новосибирск, 1993 и др.; Георгиев, А. А. Творческие союзы СССР как элемент тоталитарной системы (1932 – 1941 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1999; Мороз, Е. В. Феномен тоталитаризма в американской историографии (1930-1980-е годы): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Кемерово, 2006; Мороз, Е. В. Феномен тоталитаризма в американской историографии (1930-50-е годы) / Е. В. Мороз. – Кемерово; М.: Российские университеты: Кузбассвузиздат, 2006.

31. Гвоздкова, Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе / Л. И. Гвоздкова. – Кемерово, 1997. – С. 23, 33; Павлова, И. В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов / И. В. Павлова // Отечественная история. – 1998. – № 11, 12;

32. Любин, В. П. Тоталитаризм в Германии, Италии и СССР: споры историков / В. П. Любин // Тоталитарный менталитет... – С. 27.

33. Кокен, Ф. Размышления об отождествлении сталинизма с гитлеризмом / Ф. Кокен // Россия в XX веке. Реформы и революция. – Т. 1. – С. 114 – 120.

34. Орлов, Б. С. Германия и СССР в 30-е гг.: сходство и различия / Б. С. Орлов // Тоталитаризм как исторический феномен. – М., 1989; Работяжев, Н. В. Политическая система тоталитаризма: сравнительный анализ: (на примере нацистской Германии и СССР): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1996; Работяжев, Н. В. Политическая система тоталитаризма: структура и характерные особенности / Н. В. Работяжев // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. – М., 1998. – № 1; Россия и Германия на пути к анти тоталитарному согласию. – М., 2000; Соловьев, Э. Г. Концепция тоталитаризма в западной политологии: перманентный кризис или вечный поиск истины / Э. Г. Соловьев // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 1998. – № 1; Любин, В. П. Россия, Германия, Италия: общность и различие исторических судеб в XX веке / В. П. Любин // Исторические судьбы России. – СПб., 1999. – С. 31 – 35; Любин, В. П. Тоталитаризм в Германии, Италии и СССР: споры историков / В. П. Любин // Преподавание истории в школе. – М., 2003. – № 1. – С. 30 – 39; Люкс, Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? / Л. Люкс // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 48 – 57; Андреева, Л. А. Тоталитарный режим в Германии и СССР в 30-е годы / Л. А. Андреева // Социально-политические проблемы общества: история и современность. – Калининград, 2001. – С. 69 – 87; Мурашко, Г. П. К дискуссии о типах тоталитаризма / Г. П. Мурашко // Вопросы истории. – 2001. – № 8 – С. 107 – 112; Роговин, В. 3. Мировая революция и мировая война / В. 3. Роговин. – М., 1998. – С. 120 – 125.

35. Сумбатян, Ю. Г. Тоталитаризм как категория политической социологии / Ю. Г. Сумбатян // СОЦИС. – 1994. – № 1. – С. 13, 16.

36. Бутенко, А. П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма / А. П. Бутенко // СОЦИС. – 1998. – № 6. – С. 30, 31.

37. Мерцалов, А. Сталинизм и война / А. Мерцалов, Л. Мерцалова. – М., 1998. – С. 44 – 47.

38. Мерцалов, А. Н. В поисках исторической истины / А. Н. Мерцалов. – М., 1984. – С. 163 – 173.

39. Кара-Мурза, С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы / С. Кара-Мурза. – М., 2002. – С. 529, 531, 533, 542, 556, 559.

40. Россия в XX веке: люди, идеи, власть. – М., 2002. – С. 3, 4.

41. Соколов, А. К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917-1930-е годы) / А. К. Соколов // Россия в XX веке: реформы и революции: в 2 т. – М., 2002. – Т. 1. – С. 111.

42. Бутенко, А. П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма / А. П. Бутенко // СОЦИС. – 1998. – № 6. – С. 31.

43. Сахаров, А. С. Революционный тоталитаризм ... – С. 65; Толстиков, В. С. Рабочий класс и тоталитаризм / В. С. Толстиков // СОЦИС. – 1994. – № 1. – С. 17; Михайленко, В. И. Тоталитарный соблазн России ... – С. 41.

44. Сумбатян, Ю. Г. Тоталитаризм как категория ... – С. 16; Павлова, И. В. Власть и общество в СССР в 1930-е годы / И. В. Павлова // Вопросы истории. – 2001. – № 10. – С. 46 – 56.

45. Любин, В. П. Тоталитаризм в Германии и СССР: споры историков ... – С. 24; Михайленко, В. И. Тоталитарный соблазн России ... – С. 43, 58.

46. Шляпентох, В. Э. Советский Союз – нормальное тоталитарное общество: (опыт объективного анализа) / В. Э. Шляпентох // СОЦИС. – 2000. – № 2. – С. 115 – 124.

47. Тоталитаризм в Европе XX века ... – С. 502.

48. Бутенко, А. П. Социологические вопросы истории и теории ... – С. 35.

49. Островский, В. П. История отечества. XX век / В. П. Островский, И. А. Уткин. – М., 1995. – С. 228; Данилов, А. А. История России. XX век / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – М., 1995. – С. 166.

50. Бакунин, А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 1. ... – С. 35.

51. Павлова, И. В. Сталинизм: ... – С. 32, 33; Стецовский, Ю. И. История советских репрессий. 1917-1995 / Ю. И. Стецовский. – М., 1997. – Т. 2. – С. 433; Наместников-Счастливый, В. П. Россия 1991-1923 гг.: Ленин – основоположник системы тоталитарного насилия и одурачивания масс / В. П. Наместников-Счастливый. – Калуга, 2001.

52. Лунев, С. И. 70 лет истории и три этапа тоталитаризма в СССР / С. И. Лунев // Тоталитаризм как исторический феномен. – М., 1989.

53. Кара-Мурза, С. Советская цивилизация. Книга первая. ... – С. 528.

54. Игрицкий, Ю. И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история / Ю. И. Игрицкий. – 1993. – № 1; Игрицкий, Ю. И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа / Ю. И. Игрицкий // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 9.

55. Искендеров, А. А. Историческая наука на пороге ... – С. 6.

56. Быков, В. П. Тоталитаризм: природа и сущность явления / В. П. Быков, С. А. Сидоров. – СПб., 1997. – С. 92.

57. Давыдов, Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения / Ю. Н. Давыдов. – М., 1998. – С. 463.

58. Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления: опыт России и Германии на рубеже веков: Международная конференция. Москва 15 мая 2001 г. / Ин-т рус. и сов. культуры им. Ю. М. Лотмана. Рур-ун-та в Бохуме. – М., 2002.

59. Уроки советского тоталитаризма и проблемы новгородского гражданского общества: материалы науч.-практ. конф., 18 апреля 2001 г. / Сост. Ковалев Б. Н. – Великий Новгород, 2001; Тоталитаризм и личность: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Пермь, 12-14 июля 1994 г. – Пермь, 1994; Тоталитаризм и сопротивление: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Пермь, 12-14 июля 1993 г. – Пермь, 1993; Тоталитаризм и тоталитарное созна-

ние: вып. 4. Материалы томских городских научно-практических конференций. Апрель 2000, 2001 / Ред. Рожнева Ж. А., Сохань И. В. – Томск, 2001; Ерин, М. Е. Межвузовская научная конференция по проблемам истории германского фашизма и социально-политического развития СССР в 20-30-е годы / М. Е. Ерин // Новая и новейшая история. – 1990. – № 6. – С. 228 – 229.

60. История России XX век. ... – С. 280, 384, 393, 397, 400, 402, 403.

61. Качановский, Ю. В. Диктатура Сталина. Уроки и выводы: учеб. пособие Ю. В. Качановский. – Хабаровск, 2002; Федосова, С. И. Советское общество и тоталитаризм: проблемы и уроки российской истории 30-80-х годов XX века: учеб. пособие / С. И. Федосова. – Тверь, 2002; Якунин, В. К. И. В. Сталин, сталинизм и историческая наука: учеб. пособие / В. К. Якунин. – Днепропетровск, 1991.

62. Зуев, М. Н. История России / М. Н. Зуев. – М., 1998. – С. 115, 119.

63. Наше Отечество. Опыт политической истории. – М., 1991. – С. 325.

64. История России с древнейших времен. ... – С. 402.